

DOI 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-28-36

УДК 394.91

Роман Юлианович Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-4192-3528

E-mail: prochekaev@hse.ru

Дипломатический протокол при дворе правителя Хунзы (по запискам Б. Л. Громбчевского)*

АННОТАЦИЯ. Российский военный, путешественник, а впоследствии высокопоставленный администратор Б. Л. Громбчевский стал первым европейцем, оставившим подробные сведения о государстве Хунза, или Канджут (сегодня округ в составе Пакистана), включая его политическое устройство, правовые отношения, геологию и зоологию, климатологию и пр. Значительный интерес представляет описание Громбчевским организации его приема в качестве посланца Российской империи при дворе Сафдар ‘Али-хана — правителя Хунзы, нашедшее отражение в его дневнике и воспоминаниях. Громбчевский весьма подробно описывает не только сам дипломатический церемониал, но и длительные переговоры, в ходе которых согласовывался протокол, взаимные претензии и уступки сановников правителя Хунзы и представителя России, а стороны старались не уронить престиж собственного государства, продемонстрировав при этом намерение достичь компромисса. Сравнительный анализ дипломатического протокола при дворе правителя Хунзы и аналогичных церемоний при дворе среднеазиатских правителей, в частности Бухарского эмирата и Хивинского ханства, описанных российскими дипломатами и путешественниками XIX — начала XX в., позволяет сделать вывод о значительной схожести дипломатического протокола в странах Центрально-азиатского региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Б. Л. Громбчевский, Российская империя, Центральная Азия, Хунза (Канджут), дипломатический церемониал и протокол

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Почекаев Р. Ю. Дипломатический протокол при дворе правителя Хунзы (по запискам Б. Л. Громбчевского). *Кунсткамера*. 2021. 4(14): 28–36. doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-28-36

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Roman Pochekaev

National Research University “Higher School of Economics”

Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4192-3528

E-mail: pochekaev@hse.ru

Diplomatic Protocol at the Court of the Ruler of Hunza (According to the Notes of Bronislav L. Grombchevskiy)

ABSTRACT. Bronislav L. Grombchevskiy, a Russian military officer, traveler and later a high rank official, was the first European who gave a detailed description of the state of Hunza, or Kandjut (today a district within Pakistan). He describes its political system, legal relations, geology and zoology, climatology, etc. Grombchevskiy’s information on the organization of his reception at the court of Sadar-Ali Khan, the ruler of Hunza, as a representative of the Russian Empire is of great interest. The traveler describes the ceremonial in detail, including the long negotiations on the protocol, mutual pretensions and concessions of the Russian representative and Hunza officials, their intention to reach a compromise and, at the same time, not to lose the prestige of their states. The article provides a comparative analysis of the diplomatic protocol in Hunza and similar ceremonies at the courts of Central Asian rulers (e.g. the Emirate of Bukhara or Khanate of Khiva) described by Russian travelers of the nineteenth–early twentieth centuries, which allows to see a substantial sameness of diplomatic protocol in the countries of Central Asia.

KEYWORDS: Bronislav Grombchevskiy, Russian Empire, Central Asia, Hunza (Kandjut), diplomatic protocol and ceremonial

FOR CITATION: Pochekaev R. Diplomatic Protocol at the Court of the Ruler of Hunza (According to the Notes of Bronislav L. Grombchevskiy). *Kunstkamera*. 2021. 4(14): 28–36. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-28-36

В статье анализируется описание дипломатического протокола при дворе правителя Хунзы (Канджута), данное известным российским военным и государственным деятелем, путешественником и ученым Брониславом Людвиговичем Громбчевским (1855–1926), побывавшим в этом небольшом гиндукушском государстве между Памиром и Кашмиром в 1888 г. Громбчевский не был ни первым, ни единственным европейцем, посетившим Хунзу в этот период. В конце 1870-х годов регион посетил британский агент Д. Биддульф (Biddulph 1971: 19–33), а примерно в те же годы, что и Громбчевский, там побывали британские агенты У. Локкарт, Э. Дюранд и Ф. Янгхасбенд (Durand 1900: 146–173; Lockhart, Woodthorpe 1889; Younghusband 1896: 214–290). Однако англичане в своих записках основное внимание уделили описанию собственных миссий и в определенных случаях характеристике политической жизни и международном положении Хунзы. Громбчевский же в целой серии своих работ сосредоточился на географическом и политико-правовом положении этого государства, его флоре и фауне, геологии и даже климатологии (Громбчевский 1889; 1891а; 1891б; 2019; Дервиш Гиндукуша 2016), став, пожалуй, первым не только российским, но и европейским исследователем, столь подробно и разносторонне описавшим это государство в современном ему состоянии.

Современники по-разному оценивали значение миссии Б. Л. Громбчевского в Хунзу. Российские дипломаты (в первую очередь русский консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский) сурово критиковали его за непрофессионализм и даже готовы были обвинить в том, что именно из-за его поездки англичане форсировали присоединение Хунзы к своим владениям (Басханов 2015: 25; Попель-Махницки и др. 2017: XVIII; Рудницкий 2013: 75–76; 107–109). Однако сами англичане признавали большую ценность исследований, проведенных Громбчевским, в частности Ф. Янгхасбенд пользовался его картой, которую русский путешественник сам передал ему при встрече (Басханов 2015: 34–35; ср.: Акрамов 1974: 37)¹. Как бы то ни было, российский путешественник стал первым и, вероятно, единственным специалистом, давшим всестороннее описание Хунзы накануне ее аннексии властями Британской Индии в 1891 г. Неслучайно за эту поездку он был представлен к очередному воинскому званию, а также награжден малой золотой медалью Императорского Русского географического общества (Нестерова 2010: 221).

Среди разнообразных сведений Б. Л. Громбчевского о Хунзе значительный интерес вызывает описание приема, который был дан ему местным правителем Сафдар ‘Али-ханом по прибытии в столицу государства Балтит. И хотя путешественник, конечно же, характеризовал эту церемонию больше в политическом и дипломатическом контексте, по-видимому, она может представлять интерес и в этнографическом отношении, особенно в сравнении с аналогичными церемониями в других государствах Центральной Азии, современных Хунзе.

В статье исследуются материалы двух произведений Б. Л. Громбчевского, в которых содержится его описание приема при дворе Сафдар ‘Али-хана — дневника, который он вел во время поездки в Хунзу, и воспоминаний, написанных гораздо позднее, уже в 1920-е годы, когда он эмигрировал из России в Польшу. Первый источник, несомненно, более аутентичен и непосредственно отражает описываемые события и впечатления автора, однако во втором присутствуют многочисленные детали, не вошедшие в дневник и существенно дополняющие его информацию. Кроме того, в статье предпринимается попытка сравнительного анализа дипломатического протокола в Хунзе с аналогичными церемониями в других государствах Центральной Азии, в первую очередь в Бухарском эмирате как наиболее значительном из них. Материал для сравнения взят из записок российских дипломатов, побывавших в Бухаре в XIX — начале XX в. (Е. К. Мейендорфа, П. И. Демезона, Н. П. Игнатьева, Н. П. Стремоухова, И. Л. Яворского, В. В. Крестовского, Д. Н. Логофета).

¹ Согласно А. М. Акрамову, английские исследователи, «завидую» Громбчевскому, тем не менее вынуждены были признавать, что он, как и другие русские офицеры-путешественники, лучше англичан знал границу британских владений в Индии (Акрамов 1974: 37). Следует отметить, впрочем, что это утверждение не вытекает из работы Ф. Янгхасбенда, на которую сослался исследователь.

Как отмечает Б. Л. Громбчевский, приему у хана предшествовали весьма длительные переговоры, связанные с согласованием процедуры. С одной стороны, российский путешественник не мог пойти на поводу у представителей правителя Хунзы, чтобы не подорвать в их глазах престиж Российской империи, которую он представлял. С другой стороны, он не мог претендовать на полное соблюдение в отношении него дипломатического протокола, поскольку формально не являлся послом России в Хунзе: при организации его экспедиции руководство Министерства иностранных дел Российской империи приказало ему ограничивать свою деятельность только научными изысканиями и всячески отрицать наличие у него дипломатического статуса и соответствующих полномочий при выстраивании отношений с местными властями и населением (Попель-Махницки и др. 2017: XVII). Однако сразу же по прибытии в пределы Хунзы ситуация в значительной степени вышла из-под контроля Б. Л. Громбчевского, и ему пришлось поневоле объявить себя дипломатом, чтобы избежать посягательств на жизнь, здоровье и имущество себя самого и членов его экспедиции со стороны местных жителей, издавна имевших в глазах соседних народов и государств репутацию «разбойничьего племени» (Басханов 2015: 25–26; Громбчевский 2019: 159).

Признав *de facto* свой дипломатический статус, Б. Л. Громбчевский вступил в столицу, где был размещен в ханском загородном саду², и приступил к обсуждению церемонии приема при дворе хана с ханским визирем Даду. При этом российский путешественник сразу же оговорил, что отказывается следовать унижительным требованиям, установленным местными правителями для приема послов соседних гиндукушских княжеств, которые они считали своими вассалами, и заявил, что готов соблюсти только такой церемониал, который «не оскорбит мою любовь к государству, которое мне предстоит представлять» (Громбчевский 2019: 282).

Главным камнем преткновения стал вопрос о том, как Громбчевскому следовало приближаться к резиденции правителя — верхом или пешком. Визирь, естественно, настаивал на втором варианте, однако русский путешественник настолько решительно отказал ему, что после предварительного согласования с самим правителем Даду был вынужден согласиться на то, что Громбчевский поедет на коне. Вероятно, не последнюю роль в его согласии сыграл довод путешественника, что «чем больше почестей будет оказано послу царя, тем больше это подчеркнет значение установленных отношений» (Громбчевский 2019: 282).

Другим «больным местом» в рамках дипломатического церемониала стал вопрос о дарах для Сафдар 'Али-хана. Визирь выразил недовольство их немногочисленностью и бедностью, на что Громбчевский вполне обоснованно напомнил ему, что он не претендовал на роль посла, которая была фактически навязана ему местными сановниками, так что придется довольствоваться тем, чем он располагает. Между тем, согласно местному протоколу, хану полагалось представить не менее нескольких десятков даров, и визирь Даду в конце концов нашел весьма остроумный выход из положения: он предложил все подарки разместить на носилках, а чтобы таких носилок оказалось как можно больше, на каждые из них положить по одному предмету, накрыв их сверху ковром или красной материей, чтобы не было видно, что именно на них лежит (Громбчевский 2019: 282–283). В результате оказалось 40 носилок, на некоторых из которых лежали не только такие «статусные» подарки, как ружья, бинокли или измерительные приборы, но и малозначительные вещи вроде упаковок мыла, коробков спичек, носовых платков и т. п. (Громбчевский 2019: 282–283; Дервиш Гиндукуша 2016: 128).

Первого сентября 1888 г. в 9 часов утра Б. Л. Громбчевский в полном парадном мундире с орденами, «при шашке, шарфе, в белых перчатках и фуражке» в сопровождении казаков верхом выехал к месту расположения дурбара — ханского совета. В своем дневнике он отмечал, что его вышло встречать практически все население столицы, а перед ханской резиденцией выстроилось

² В центральноазиатской традиции подобного рода сады представляли собой настоящие «рекреационные комплексы» с многочисленными зданиями и сооружениями, где ханы, их приближенные и гости отдыхали, устраивали празднества и приемы и иногда даже охотились. Поэтому неудивительно, что иностранные посольства размещали именно в таких садах.

«несколько десятков солдат с разнокалиберными ружьями и шашками в ножнах, поднятыми на плечо». У места, где находился хан, солдаты образовали круг, оставив узкий проход для российской делегации (Дервиш Гиндукуша 2016: 127–128).

На «специальном возвышении» восседал Сафдар ‘Али-хан, возле которого собрались представители местной знати, каждого из них сопровождали его сородичи со знаменем, принадлежавшим соответствующему клану. Сам правитель «сидел, поджав по-турецки ноги», будучи облачен в зеленую чалму с золотым шитьем, кафтан и парчовый халат, перевязанный поясом, «за который был заткнут целый арсенал пистолетов и ханджаров». По обе стороны от хана стояли два стражника с обнаженными мечами, а сзади него — двое придворных «с огромными круглыми опахалами из разноцветных перьев на позолоченных палках». Ниже хана сидели сановники Хунзы в соответствии со своим местом в иерархии. Чтобы подчеркнуть свою значимость, Сафдар ‘Али-хан повелел присутствовать на приеме русского дипломата также послам из соседних государств — Мастуджа, Ясина и Читрала, а также делегации из Нагара. Поскольку последний он считал своим вассалом, то повелел его посланцам присутствовать на церемонии стоя на коленях, с непокрытыми головами и веревками на шее — в знак покорности правителю Хунзы (Дервиш Гиндукуша 2016: 127–128; 2019: 283).

Между тем визирь Даду, хотя и согласовавший с ханом уступки Громбчевскому при проведении приема, решил прямо по ходу церемонии внести в нее изменения, едва не сорвав все мероприятия. Резко остановив лошадь представителя России, он стал шепотом требовать, чтобы тот спустился на землю, хотя до ханского трона оставалось не менее 50–60 шагов, тогда как предварительно было согласовано, что Громбчевский сойдет с коня когда останется не более 15. Естественно, путешественник не подчинился и продолжил движение верхом, практически потянув за собой визиря.

Приблизившись на установленное расстояние и приготовившись спуститься с коня, он вдруг заметил, что Сафдар ‘Али-хан, который, согласно договоренности, должен был поприветствовать российского представителя стоя, приподнялся с трона, но тут же сел обратно. Дальнейшие действия Громбчевский описал в своих мемуарах.

«Я крепче усаживаюсь в седло и говорю Даду:

— Если хан не встанет, я возвращаюсь домой.

— Умрешь, — шипит Даду.

— Если на то есть воля Бога, — отвечаю.

Заминка длится всего пару секунд. Хан, видя, что преднамеренный обман не удался, решительно встает и делает шаг вперед. Я моментально спрыгиваю с лошади и спешу к трону, с которого медленно спускается Сафдар ‘Али-хан».

Завершает описание этого эпизода Б. Л. Громбчевский весьма важной фразой, которая вообще очень хорошо характеризовала особенности дипломатических церемоний при дворах центральноазиатских правителей и нюансы их отношения к иностранным дипломатам: «Сегодня, по прошествию времени, все это кажется пустяком, на который не стоило бы обращать внимания, но тогда, в обстановке местных условий, это был трагический момент, от которого зависела жизнь всех нас» (Громбчевский 2019: 283–284).

После этого инцидента прием, казалось, прошел уже в согласованном предварительно порядке. Громбчевский приветствовал хана поклоном, тот в ответ пожал ему руку, в то же время оба они поднесли свободные руки к сердцу друг друга в знак пожелания здоровья (Дервиш Гиндукуша 2016: 128; 2019: 284).

Тем не менее и далее хан продолжал использовать мелкие хитрости, чтобы подчеркнуть свою значимость и принизить положение российского представителя. В частности, пригласив Громбчевского сесть и поднявшись с ним на свой тахт (трон), он забрал «одеяльце» с сиденья, предназначавшегося российскому представителю, и положил его на собственное сиденье. Громбчевский, впрочем, предпочел не заметить этого действия правителя, который тут же спросил

о здоровье российского императора, туркестанского генерал-губернатора и консула в Кашгаре. Когда Громбчевский вручил ему письмо от Н. Ф. Петровского, «то хан поднес его ко лбу и глазам, поцеловал, сам распечатал и прочел, а затем уже передал своему мирзе». В это время, как было согласовано, был произведен залп из ружей русских казаков и местных солдат (Громбчевский 2019: 284; Дервиш Гиндукуша 2016: 128).

Однако, когда в ходе беседы правителю Хунзы и представителю России был подан чай, Сафдар ‘Али-хан вновь пошел на хитрость, которую опять же ярко описал в своих воспоминаниях Б. Л. Громбчевский: «Вдруг вижу, что мой хозяин начинает ерзать на месте, берет свое одеяльце и немного отодвигается к валику высотой 30–40 см, окаймлявшему тахт сзади и по бокам, после чего садится на этот валик. Я догадываюсь, почему: ему важно сидеть выше меня хотя бы на 30 см. Я говорю, смеясь, что, действительно, таким образом беседовать удобнее, поскольку ноги не будут отекают, и сам сажусь на валик с другой стороны тахта» (Громбчевский 2019: 284).

Согласно дневнику Б. Л. Громбчевского, прием у хана длился 10 минут, в воспоминаниях же он сообщает, что беседовал с ханом «установленные полчаса» (Дервиш Гиндукуша 2016: 128; 2019: 285). По окончании приема, вероятно чтобы избежать еще каких-то попыток изменить обговоренный церемониал, путешественник вскочил на коня и медленно двинулся в свою резиденцию.

Отдельно Б. Л. Громбчевский оговаривает судьбу своих подарков хану. Как и было заранее согласовано, они были отправлены в ханскую резиденцию на 40 носилках сразу после окончания официального приема российского представителя. Тут следует отметить, что сановники, сопровождавшие путешественника в столицу, заблаговременно предупредили его, чтобы он, если хочет чем-то их одарить, вручил им эти подарки сам, а не передал хану вместе с дарами, предназначенными ему. Однако ханский сановник Али Гаухар потребовал отправить ханские дары так быстро, что Громбчевский не успел одарить своих сопровождавших и был вынужден включить дары, предназначенные придворным в число ханских подарков, передав просьбу одарить визиря бархатным халатом и ружьем, а ханского брата Мухаммада Назифа — бархатным халатом и револьвером. Однако, когда хан осмотрел дары (уделив особое внимание лишь подушке и никелированному револьверу), он велел передать визирю и своему брату соответственно ружье и револьвер, но при этом более дешевые ситцевые халаты, а не бархатные. Однако его мирза-секретарь озвучил просьбу Громбчевского, и хан «поморщился и приказал положить перед ними по бархатному халату». Однако тут же стал требовать за свою «щедрость», чтобы русские подарили ему одну из казачьих лошадей, в чем ему, впрочем, было отказано под предлогом, что они являются казенным имуществом, и дарить их нельзя (Дервиш Гиндукуша 2016: 128–129).

Итак, записки Б. Л. Громбчевского, как видим, содержат весьма подробные и красочные сведения о дипломатическом церемониале в Хунзе, включая как состав участников приема и поведение правителя, так и те хитрости, на которые Сафдар ‘Али-хан шел, чтобы поставить себя как можно выше в глазах собственных подданных и представителей иностранных государств. Обратившись к запискам российских дипломатов примерно того же периода, можно сделать вывод, что аналогичные церемонии, а также уловки во время приемов были характерны и для правителей других центральноазиатских государств, равно как и действия самих дипломатических представителей, целью которых было не допустить нанесения урона престижу Российской империи.

Например, А. Ф. Негри, глава дипломатической миссии в Бухару в 1820 г., отказался, чтобы его во время приема у эмира держали за руки ханские телохранители (чтобы он не попытался убить правителя), и в качестве компромисса было предложено, что его лишь символически будут поддерживать два сановника³. Также он на предварительных переговорах, длившихся 36 (!) часов,

³ С аналогичной ситуацией столкнулся и российский «турист» в Бухаре журналист Н. П. Стремоухов, который также добился, чтобы сопровождавшие его сановники лишь делали вид, что поддерживают его под руки (Стремоухов 1875: 646).

добился права сидеть в присутствии эмира (Мейендорф 1975: 56–57). Аналогичного права добился в 1833 г. П. И. Демезон (Записки П. И. Демезона 1983: 51)⁴.

Полковник Н. П. Игнатъев, глава русской миссии в Хиву и Бухару 1858 г., столкнулся с той же проблемой, что и Громбчевский: ему было сказано, что передвигаться по Бухаре верхом «неверным» не положено, и в виде «особой милости» было предложено ехать на коне только ему как руководителю посольства. Однако дипломат добился, чтобы это право было распространено на всех участников миссии, причем настоял на том, чтобы ему и секретарю посольства было позволено сойти с коня не перед внешними воротами в арк (крепость эмира), а в том месте, где спешивается сам эмир. Во время приема эмир, как было согласовано заранее, пригласил его сесть и пожал руку «по нашему обычаю» (Миссия в Хиву и Бухару... 1897: 218–219, 221–222). Таким образом, миссией Игнатъева был создан определенный прецедент: все последующие российские посланцы в Бухаре упоминали, что местные правители приветствовали их рукопожатием (Стремоухов 1875: 646; Яворский 1882: 56; Крестовский 1887: 136)⁵.

Бухарский эмират с его обширными территориями и многомиллионным населением, как было отмечено выше, являлся крупнейшим и наиболее значительным среди мусульманских государств Центральной Азии, поэтому столь внимательное отношение к дипломатическому церемониалу в нем выглядело вполне логичным. Аналогичная же практика при дворе правителя Хунзы, общее число подданных которого не превышало нескольких тысяч человек, а сам он (хотя и номинально) считался вассалом империи Цин, выглядит, на первый взгляд, чрезмерно претенциозной. Однако, как представляется, дело не столько в попытках правителей Хунзы поставить себя на один уровень с крупнейшими государствами региона⁶, сколько в общих истоках дипломатической культуры народов и государств Центральной Азии. Хунза, несмотря на свое довольно «изолированное» положение, достаточно активно поддерживала связи и с Восточным Туркестаном, и с государствами Памира, и с Кашмиром, так что неудивительно, что дипломатический протокол при дворе ее правителей, несомненно, являлся заимствованием (возможно, опосредованным) из опыта развитых государств региона, что и объясняет многочисленные совпадения в церемониях и даже в уловках местных правителей и их сановников по отношению к иностранным дипломатам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акрамов Н. М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б. Л. Громбчевского. Душанбе: Ирфон, 1974.

Басханов М. К. К последнему перевалу: жизнь и странствия Бронислава Громбчевского // Дервиш Гиндукуша: путевые дневники центральноазиатских экспедиций генерала Б. Л. Громбчевского / под ред. М. К. Басханова, А. А. Колесникова, М. Ф. Матвеевой. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 7–76.

⁴ П. И. Демезон отмечает, что его официальный прием у эмира также длился всего несколько минут, что соответствует сообщению из дневника Б. Л. Громбчевского о продолжительности его приема правителем Хунзы.

⁵ Любопытно отметить: после того как над Бухарой был установлен российский протекторат и имперские власти убедились в лояльности эмира, многие дипломатические представители перестали считать, что согласие на требования дипломатического протокола, выдвигавшиеся им сановниками эмиров, приведет к подрыву престижа Российской империи. Так, доктор И. Л. Яворский, побывавший в Бухаре в 1878–1879 гг., не увидел в требовании пройти пешком через весь арк ничего, кроме уважения к его хозяину, и даже, более того, выразил удивление, что некоторые российские офицеры отказывались спешиваться перед воротами резиденции эмира (Яворский 1883: 332). Глава еще одной русской миссии в Бухару князь Ф. К. Витгенштейн в 1883 г. «снисходительно согласился» сразу на несколько требований, которые прежние дипломаты, несомненно, сочли бы унижительными: он вышел из кареты на площади перед арком, все члены миссии по требованию местных сановников сняли свои шинели, во время приема они трижды поклонились эмиру, который ограничился лишь тем, что привстал с полупоклоном (Крестовский 1887: 132, 133, 136). Подобного рода уступки со временем сформировали у бухарских правителей настолько стойкое представление об уступчивости представителей Российской империи, что в начале XX в. они позволяли себе весьма небрежно принимать не только дипломатических представителей, но и высокопоставленных имперских сановников, в частности туркестанских генерал-губернаторов (Логофет 1909: 6).

⁶ Несмотря на то что Э. Дюранд и упоминал, что в переговорах с британскими дипломатами Сафдар ‘Али-хан намекнул ему, что в случае военных действий англичанам будут противостоять три империи — Хунза (sic! — *P. II.*), Россия и Китай (Durand 1900: 264).

Громбчевский Б. Л. Заметки по климатологии, веденные во время путешествия в Канджут и Раскем // Известия Императорского Русского географического общества. Вып. XXV. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1889. С. 449–453.

Громбчевский Б. Л. Наши интересы на Памире: военно-политический очерк. Доклад, читанный в Николаевской академии Генерального штаба 14 марта 1891 г. Новый Маргелан: тип. Ферганского областного правления, 1891а.

Громбчевский Б. Л. Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром: военно-политический очерк. Новый Маргелан: тип. Ферганского областного правления, 1891б.

Громбчевский Б. Л. Путешествия по Центральной Азии. СПб.: Нестор-История, 2019.

Дервиш Гиндукуша: путевые дневники центральноазиатских экспедиций генерала Б. Л. Громбчевского / под ред. М. К. Басханова, А. А. Колесникова, М. Ф. Матвеевой. СПб.: Нестор-История, 2016.

Записки П. И. Демезона / пер. с фр. В. Г. Воловникова и З. А. Цомартовой // Записки о Бухарском ханстве (отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича) / отв. ред. Н. А. Халфин; вступ. ст. и коммент. В. Г. Воловникова и Н. А. Халфина. М.: Наука, 1983. С. 17–83.

Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб.: Государственная типография, 1897.

Крестовский В. В. В гостях у эмира бухарского. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1887.

Логофет Д. Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб.: Изд. В. Березовского, 1909.

Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару / ред. и вступ. ст. Н. А. Халфина; пер. с фр. Е. К. Бетгера. М.: Наука, 1975.

Нестерова Е. И. Бронислав Людвигович Громбчевский: «Большая игра» в Центральной Азии и на Дальнем Востоке // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: материалы междунар. науч. конф. Барнаул, 29 апреля 2010. Вып. 2. Барнаул: Азбука, 2010. С. 220–226.

Попель-Махницки В., Плескачиньски А., Плескачиньска К. Неоткрытые путешествия. Дневник экспедиции Бронислава Громбчевского 1889–1890 как свидетельство истории и элемент культурного наследия. Познань: Изд-во ун-та им. Адама Мицкевича, 2017.

Рудницкий А. Ю. Этот грозный Громбчевский... СПб.: Алетей, 2013.

Стремоухов Н. П. Поездка в Бухару (извлечение из дневника) // Русский вестник. Т. СХVII. 1875. С. 629–695.

Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. Т. I. СПб.: тип. М. А. Хана, 1882.

Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. Т. II. СПб.: тип. М. А. Хана, 1883.

Biddulph J. Tribes of the Hindoo Koosh. Graz: Akademische Druck Verlagsanstalt, 1971.

Durand A. The Making of a Frontier: Five Years' Experiences and Adventures in Gilgit, Hunza, Nagar, Chitral and the Eastern Hindu-Kush. London: John Murray, 1900.

Lockhart W. S. A., Woodthorpe R. G. Gilgit Mission, 1885–86. London: Eyre and Spottiswoode, 1889.

Youngusband F. E. The Heart of a Continent: a Narrative of Travels in Manchuria, Across the Gobi Desert, Through Himalayas, the Pamirs and Chitral. London: John Murray, 1896.

REFERENCES

Akramov N. M. *Voprosy istorii, arkhologii i etnografii narodov Pamira i Pripamir'ia v trudakh B. L. Grombchevskogo* [Problems of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Pamirs and Pamir Region in the Works of B. L. Grombchevskiy]. Dushanbe: Irfon, 1974. (In Russian)

Baskhanov M. K. K poslednemu perevalu: zhizn' i stranstviia Bronislava Grombchevskogo [To the Last Pass: The Life and Travels of Bronislav Grombchevskiy]. *Dervish Gindukusha: Putevye dnevniki tsentral'noaziatskikh ekspeditsii generala B. L. Grombchevskogo* [The Dervish of Hindu Kush: Travel Diaries of the Central Asiatic Expeditions by the General B. L. Grombchevskiy]. Ed. by M. K. Baskhanov, A. A. Kolesnikov, M. F. Matveeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2016, pp. 7–76. (In Russian)

Biddulph J. *Tribes of the Hindoo Koosh*. Graz: Akademische Druck Verlagsanstalt, 1971.

Dervish Gindukusha: Putevye dnevniki tsentral'noaziatskikh ekspeditsii generala B. L. Grombchevskogo [The Dervish of Hindu Kush: Travel Diaries of the Central Asiatic Expeditions by the General B. L. Grombchevskiy]. Ed. by M. K. Baskhanov, A. A. Kolesnikov, M. F. Matveeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2016. (In Russian)

Logofet D. N. *Strana bespraviia. Bukharskoe khanstvo i ego sovremennoe sostoianie* [The State of Lawlessness. The Khanate of Bukhara and Its Current Situation]. St. Petersburg: Publ. by V. Berezovskii, 1909. (In Russian)

Meiendorf E. K. *Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu* [A Travel from Orenburg to Bukhara], ed. and intr. by N. A. Khalfina, transl. by E. K. Betger. Moscow: Nauka Publ., 1975. (In Russian)

Nesterova E. I. Bronislav Liudvigovich Grombchevskii: «Bol'shaia igra» v Tsentral'noi Azii i na Dal'nem Vostoke [Bronislav Lyudvigovich Grombchevskiy: The "Great Game" in the Central Asia and Far East]. *Mezhdunarodnye otnosheniia v Tsentral'noi Azii: istoriia i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Barnaul, 29 apreliia 2010* [International Relations in the Central Asia: History and the Present: Materials of the International Academic Conference. Barnaul, April 29, 2010], iss. 2. Barnaul: Azbuka Publ., 2010, pp. 220–226. (In Russian)

Popel'-Makhnitski V., Pleskachin'ski A., Pleskachin'ska K. *Neotkrytye puteshestviia. Dnevnik ekspeditsii Bronislava Grombchevskogo 1889–1890 kak svidetel'stvo istorii i element kul'turnogo naslediiia* [Uncovered Travels. Diary of the Expedition of Bronislav Grombchevskiy in 1889–1890 as an Historical Evidence and Element of the Cultural Heritage]. Poznan': Adama Mitskevich University Press, 2017. (In Russian)

Rudnitskii A. Yu. *Etot groznyi Grombchevskii...* [This Terrible Grombchevskiy...]. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 2013. (In Russian)

Stremoukhov N. P. *Poezdka v Bukharu (izvlechenie iz dnevnika)* [A Trip to Bukhara (Extract from the Diary)]. *Russkii vestnik*, 1875, vol. CXVII, pp. 629–695. (In Russian)

Zapiski P. I. Demezona [Notes by P. I. Desmaisons]. *Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P. I. Demezona i I. V. Vitkevicha)* [Notes on the Khanate of Bukhara (Reports of P. I. Desmaisons and I. V. Vitkevich)]. Ed. by N. A. Khalfin. Moscow: Nauka Publ., 1983, pp. 17–83. (In Russian)

Submitted: 10.05.2021

Accepted: 20.08.2021

Published: 15.12.2021